

ПУБЛИКАЦИИ

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БРУНИ

(1891 - 1938)

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Судьбы русской культуры в XX веке не только глубоко трагичны, но хранят в себе еще столько тайн и белых пятен! По крохам; кратким упоминаниям или не всегда беспристрастным мемуарам друзей, коллег и родственников приходится восстанавливать жизнь писателей, художников и композиторов; по крупицам; в пожелтевших журналах, газетах и малотиражных сборниках, пробиться к которым все труднее, — раскапывать их творчество. Тысячи произведений, может быть, выдающихся, были сожжены, замурованы в спецархивах или утеряны во время ~~цифровых~~ долгих, вынужденных скитаний по огромной стране. Где их искать, да и найдешь ли при том равнодушии к истории, в которой выросла "образованщина"? Если что найдется, то не все может появиться, а если появится, то со стыдливými умолчаниями и отточиями. К тому же ученому исследователю не все представляется ценным, особенно когда нет модного или звучного имени, оттого найденное припрятает он до лучших дней и будет писать об апробированном, наверняка создающем лично ему известность.

Кто знает о Николае Бруни? Где-то, в каких-то воспоминаниях, литературоведы "серебряного века" встречали его фамилию среди акмеистов и их окружения, отпечатавая в памяти разве ее итальянское окончание или вспоминая о знаменитом родственнике-академике. Он что-то вроде рифмовал, но тогда это делали многие. Так, случайный человек из окололитературной среды, который потом куда-то бесследно исчез. Да что о нем вспоминать, ведь вокруг метров мелькали метеорами разные дилетанты. Вспомнить все же стоит, не для того, конечно, чтобы открыть забытого гения, а чтобы к выжженному пейзажу родной культуры добавить еще один скромный мазок, от которого он, может быть, чуть-чуть станет ярче.

Предки Бруни были итальянцами, но жили они не в самой Италии, а в кантоне Тессин — итальянской Швейцарии, откуда, начиная с петровской эпохи, в богатую и гостеприимную Россию десятками ехали художники и ремесленники. Живописец Антонио Бароффио прибыл в Петербург в 1807 году. На родине он не только писал картины и рисовал эскизы медалей, но инте-

ресовался также политикой: волонтер в армии Суворова, он был ранен в бою у Чортова моста. Затем, спасаясь от преследований за свои антинаполеоновские взгляды, немолодой художник эмигрировал в Россию, где остался с семьей до самой смерти, переименив по непонятной причине на Бруни свою родовую фамилию.

Ее носил уже старший сын Антонио — знаменитый академик Федор Бруни и младший — Константин, проживший всего 33 года. Он оставил пятерых детей, из которых известность позже приобрел только Александр — столичный архитектор и член Академии Художеств. Один из его сыновей, тоже Александр, пошел по стопам отца, но, обладая меньшим талантом, зарабатывал на жизнь в основном службой. Он был женат на Александре Петровне Соколовой — дочери известного акварелиста, бывшего в родстве с Брюлловыми. Александра Петровна не чуралась литературы: переводила с немецкого и норвежского и печаталась во второстепенных журналах, но ее семейная жизнь сложилась неудачно: в 1898 году в течение полугода умерли трое детей, а через год произошел разрыв с мужем. Вскоре привлекательная молодая женщина вышла еще раз замуж за Исакова, возглавлявшего мозаичную мастерскую Академии Художеств, и поселилась в казенной квартире на 3-ей линии с обоими своими сыновьями: старшим Николаем и Львом.

Дом был полон искусства, поэтому оба юноши выбрали для себя художественное поприще. Николай, родившийся 16 августа 1891 года, поступил в консерваторию, но, хотя преподаватели очень хвалили его успехи, курса, кажется, не кончил, сохранив, однако, навсегда страсть к музыке. Лев стал известным художником, проделав путь от рьяного авангардиста до хорошо оплачиваемого декоратора сталинских сооружений. Молодые годы братьев прошли в атмосфере, выразительно описанной Н. Пуниным в его воспоминаниях "Квартира № 5". Сюда приходили Гумилев, Кузмин, Бальмонт, Альтман и близкие друзья Николая — композитор Лурье, поэты Петников, Зенкевич, Иванев, их знакомые и поклонники. Бывали и подолгу гостили Городецкий и его жена Анна Алексеевна. Они привели с собой Клюева. В те предвоенные годы Николай Бруни сам стал писать стихи, хотя неизвестно, печатал ли их где-либо. На жизнь он зараба-

тывал уроками музыки.

Когда началась Первая мировая война, молодой поэт и музыкант, охваченный патриотическим чувством, пошел на фронт санитаром, а потом поступил в авиаторскую школу. За боевые вылеты он получил три Георгия, но в сентябре 1917 года под Одессой во время учебного полета потерпел аварию и чудом остался в живых. Увидев в своем спасении перст Провидения, Бруни решил стать священником. После окончания гражданской войны, в которой сражался в красной авиации, он принял сан и перебрался с женой из Москвы в Оптино, где, расставшись с мужем, жила его мать, духовная дочь старца Никтария. Сперва о. Николай служил в Козельске, а потом — в деревне Касынь, близ Оптиной пустыни, куда в это время из Сибири приехал его младший брат Лев, женатый на еще здравствующей дочери Бальмонта — Нине.

Несмотря на постоянные и все усиливающиеся гонения и притеснения, Бруни в 1920-х гг. пережил духовный и поэтический подъем. Правда, он не был образцовым даятелем и, отличаясь резкостью и нетерпением, часто не ладил с прихожанами. Наверное, виновны в этом были не один его темперамент и тревожная обстановка в Церкви и вокруг, а и сам характер обращения, который после революции сделался типичным для многих русских интеллигентов, подчас принесших в православие свое самолюбие и тайную гордыню. В стихах Бруни тех лет можно хорошо почувствовать, как он колеблется между духовно-религиозными и эстетическими исканиями, между благочестием и поэтическим мечтанием.

.. "Пятилетка безбожия" застала о. Николая в Клину. Храм, где он священствовал, был закрыт, и свою многочисленную семью ему пришлось кормить, делая на продажу игрушки. Неожиданно Божий промысел столкнул его со старым товарищем по авиации, который имел связи в официальных кругах. Он помог бывшему священнику (Бруни, кажется, сложил сан) переселиться в Москву и устроиться техническим переводчиком в известном институте ЦАГИ им. Жуковского. Однако, недолго длилась безмятежная жизнь Бруни и его семьи в тесной коммунальной квартире. В 1934 году он был арестован и отправлен в северный лагерь в поселке Чибья /ныне — Ухта/.

Бывшему священнику пригодились в лагере его художест=

венные способности. Когда в 1937 году праздновалось столетие со дня смерти Пушкина, лагерные власти — ценители изящного — даже заказали талантливому зэку выдепить памятник поэту, до сих пор стоящий в одном из городских скверов. Выживанию, наверное, помогали и стихи, которые отличаются каким-то особым покоем, христианским смирением и возвышенной скорбью. По силе переживания и искренности они, несмотря на некоторые формальные недостатки, — в числе лучших в небольшом поэтическом наследии Бруни. На рисунке, который о. Николай сделал в 1937 году для жены, приехавшей навестить его, он выглядит измученным, грустным и сломленным человеком. Жить ему оставалось недолго. В 1938 году он был расстрелян. Семье, жившей в Малоярославце, сообщили, что заключенный скончался от воспаления легких.

Так трагически окончилась жизнь богато одаренного человека, который взошел на Голгофу со многими своими соотечественниками. Крупным поэтом Бруни не был, и в его стихах весьма часто заметен определенный, хотя и качественный дилетантизм, который, пожалуй, будет коробить некоторых эстетов, ценителей поэтических ухищрений. Не следует, однако, забывать, что сам поэт редко отделял свои произведения, предназначая их в основном для близких, и не переоценивал свой дар. Для нас они прежде всего интересны как довольно яркое и иногда драматическое личное свидетельство, свидетельство честного, искреннего и духовно чистого человека. Много ли таких свидетельств в поэзии дошло до наших дней?

В. Антонов

РАЗГОВОР С СОБАКОЙ

Кто пойдет на пытку добровольно?!
У меня под письменным столом
Жирный пес, всегда собой довольный,
По паркету хлопает хвостом.

На руках она тебя держала,
Месяц был, как с молоком рожок,
Тело твое нежное дрожало,
Косоглазый, шелковый щенок.

Были мокры гладкие перчатки.
Дурень! Да ты помнишь ли ее?
Синие таинственные складки
И пера на шляпе острое.

В тишине слова ее летели
Птичьим криком, звонким и сухим:
"Мальчики топить его хотели,
Ах, возьмите! Что мне делать с ним?"

Больше никогда ты не узнаешь
Ласк ее порывистой руки.
Недавистый! Ты опять зеваешь,
Задирая сытые клыки...

Петербург, 1915

ПОСЛЕ ПОЛЕТА

Я на землю спустился с облаков,
И в комнате готовлю скромный ужин,
И огонь бесцветный — тихо спирт пылает,
Влачат в ангар беспомощную птицу,
Поникла ты, когда остановилось
Железное бестрепетное сердце.
Как ангелы алеющие розы
Плывут по вечеряющему небу,
В открытое окно струится холод
И солнце золотит пустую стену!
Здесь овощи и рыба на столе,

Где я один грущу и вспоминаю
Забитую легенду об Икаре.

Севастополь, сентябрь 1916

К БАЛЬМОНТУ

Ты, непропетый, несозданный стих,
Сдавленный стих оскорбления.

(К. Бальмонт)

Нет, я не мню себя поэтом,
Но я изведаль, как и ты,
Пронизанный нездешним светом,
Все одиночество мечты!

И в некой пламенной заботе,
Скрывая затаенный гнев,
Ищу забвения в полете
И крыльев слушаю напев.

Быть может ты печаль увидел
В изгибе истомленных крыл?
Или в таинственной обиде
Ты правду некую раскрыл?

Мое пылающее сердце
Смотри — средь царственных снегов!
Ах, — это солнце или сердце
И океан без берегов.

Ах, — это снег или туманы,
Вершины или облака?..
Но плавит душу пламень странный,
И дымом стелется тоска.

х х х

Поле, поле! Разбег! Полет!
Под крыльями мотель метет!
Проклятого бензина чад,
Цилиндры черные стучат;

..
Колотит сердце верный бой,
И стонет воздух голубой..
Рвануться бы! Сорвать узду!
Ах, мне б разбиться о звезду,
Ах, мне бы так ворваться в рай =
Кричать России: "Догоняй"! ..
Кричать, кричать... проклятый чад!
А крылья кренятся назад =
Туда, где кружат города,
где бьет бескрылая беда!

..
Оптина пустынь, 23 декабря 1922

АННЕ АХМАТОВОЙ

..
Это утро в сером серебре,
Закружились, затрубили пчелы,
Мы пришли беседовать, гореть
В этот мир послушный и веселый.

..
Тихо тают душевные снега
Этих смуглых, этих райских яблонь,
Для чего небесные дуга,
Если образ Твой так ясно явлен?

Оптина пустынь, 23 мая 1924,
Вознесение

..
Напрасно медленные годы
Как волны бились в берега.
Среди широкой непогоды
Лишь та печаль моя строга.

..
Проходят мимо сны и люди
И города и облака, ..
Но вот, как голову на блюде,
Приносит мне тебя тоска.

..
Я поднимаюсь и целую
Запечатленные черты, ..
Нет, мне не полюбить другую,

И знаю — не изменишь ты.

Я пью тебя, как кровь из чаши,
Как небо, полное тоской,
Нет, не затопит души наши
Веков беспомощный прибой.

День Марии Магдалины, 1924

О. ПАВЛУ ФЛОРЕНСКОМУ

Вы печалью меня напоили!
Сердце стонет или поет...
Чем, скажите, Вы отравили
Чай душистый, варенье, мед?

Думаю, не от того ли
Время застыло с тех пор:
Все мне видится ясно до боли —
Снежная скатерть, ковер.

Все я шурюсь от лампы висячей —
Или Ваш это пристальный взгляд?
Все томлюсь нерешенной задачей —
Не смертелен ли выпитый яд?

О.Г.

Звучит заученная повесть ночи
По степи стелет веящую тишь.
И совесть непробужденную точит,
Как стебелек — полунощная мышь.

Поднять не в силах огненного груза
За тополь опускается луна,
И крадется запуганная муза,
Иль это сон? О как она бледна!

Как два угля — недремлющие очи
Горят и жгут мучительную мглу!
О, если б сжег я повесть этой ночи,
Волос тяжелых черную смолу.

22 июля 1925

О, за что невозбранно вдыхаю
Тишину догоревшего лета,
Отчего не тону, не сгораю
В океане вечернего света?

И откуда такая беспечность,
Что лажую, пою и надеюсь.
Воссияла разбойнику — вечность
И открылось небо — злодею!

Так бреду по вечернему полю
И вдыхаю последнюю милость
И дою догоревшую долю,
Будто жизнь мне только приснилась.

Там, за тощей рябиною — вечность.
Над горохом распяты злодеи,
И откуда такая беспечность,
И на что я еще надеюсь?

Клин, 28 сентября 1925

Г. ЧУЛКОВУ

Во всем премудро Провиденье
И все вершится неспроста...
Когда б не Божье попущенье,
Не позабыл бы я креста.

Сей случай небесам созвучен,
Двойное знаменье того,
Чтоб ты был с Богом неравлучен,
И я чтоб не терял его.

Поезд Москва-Клин, март 1926

ЖЕНЕ

Дорогая, прости мне, прости!
Я срываюсь в нечаянной злобе.
Кто не станет ругаться в пути,
Коль не вспятышь из ямы оглобель?

Не клянусь я злою судьбу,
Лишь сторою в лихой лихорадке.
Оттого залегают на лбу
Как железом прожженные складки.

Эта жизнь мне прищлась не с руки,
Штурмовал я картонные замки,
Проиграл я себя в поддавки,
Торопясь в ничемушные дамки.

Близок час: застучат молотком,
Загрохочет под сводами эхо,
И придавят меня потолком —
Скорлупой гробового ореха.

О, подруга моей души!
В этот час мы покончим с игрою,
На могиле моей напиши:
"Другу сердца, но... не герою!"

15 августа 1928

/К ПЕТРУ 1/

Когда Россия Богом позабыта,
Ее не скрасит никакой наряд,
Разбитого и поправного быта
Опять, опять развалины горят.

Встает из гроба дикий самодержец,
Кровавятся, круглятся бельма глаз,
Коня храпящего он держит,
Но не дается конь, змеей крутясь.

Тебе бы море молниями измерить,
Не ты ли первый огненный кумац
Вознес, как трепетанье веры,
На высоту смолистых мачт?!

Ты церковь закрутил, как воск огарка,
И перед бездной замер старовер.
И вот на праздном троне патриарха

Державной воле верный офицер.

С такими думами необходимо
Вздыхаться, висеться, и ты
Столбами вздыбленного дыма
Над Русью поднял страшные мечты.

Ты украшал не снежною фатою
Ее, невесту, на неравный брак,
Как скоморох. Она с немой тоскою
Похолодев, глядела в черный мрак.

И задрожав, как в зареве пожара,
/О, как жених был страшен и жесток!/

Почувяв ужас смертного угара,
Бежала в степи, в стужу, на восток.

И ты не мог коснуться даже в шутку
Блаженно-девственной руки.
Да! Ты повел не Русь, а проститутку
На свой корабль, на шаткие мостки.

А дикая царевна-лебедь птицей ..
Взвилась в туман с метелью лебедей...
Зачем же ты грозишь теперь столице
Огнем железных кораблей?

Теперь ты бредишь новою Москвою,
Чего ты ищешь на чужой земле?
Тень самозванца бродит за тобою
В тобой поруганном Кремле.

1923 год

О, как медленно годы проходят!
Как мучительно тянутся дни!
Схорони даже мысль о свободе,
Даже мысль о ней схорони!

О, простите меня, дорогие!
Между нами зияют года.
Под докровами льда
В ледяной летаргии

Я лежу, как руда.

Я любил вас всей кровью и силой,
Всем пыланием, добрым и злым.
Золотеющий дым
Вырастает столбом над могилой
Над безмолвьем моим.

Над щелявой и низкой хибаркой,
Где собратий теснятся гробы,
Полутрупы над печкою жаркою
Греют души — святые останки,
И подмокшие сушат грибы
И портянки.

О, если б я забыл
Образ милый,
Я б не встал из могилы,
Я бы лег навсегда
Глубокой льда!

Я б не слушал смрадную ругань
Искаженных ложью людей,
Что пред смертью явят друг другу,
Проклиная врагов и друзей.

Я б не слушал шипенье из трубки,
Что вещаньем зовут
Тут,
Отупевший от боли,
Хрупкий,
Как ребенок в неволе,
Я б отдал свой дух Христу.

Я любил вас всей кровью и силой,
Золотеющий дым
Вырастает столбом над могилой,
Над безмолвьем моим.

Но любовь, как руда
Золотая! — Пусть проходят года,

Истлевают медленно дни,
Пусть уходят они
С золотерщим дымом —
Сохрани
Только память о друге любимом!

Чибья, март 1936

Ни о чем, ни о чем не жалею,
Ничего не хотел бы вернуть,
Упаду, как снаряд, тяжелея,
Завершая стремительный путь.

О распутица черных столетий —
Лихорадочный бред мертвеца!
Слепота в электрическом свете
И труды и труды без конца.

Не нужны мне не крылья, ни ряса,
Не хочу ни поэм, ни сонат —
Слышу шорох предсмертного часа
В тишине убеленных палат.

Среди волн межпланетного гула
Различаю торжественный звон.
Глубоко ты, душа, заглянула
В животворный, загробный сон.

О, прости меня, милая мама!
От планеты, как зрелый плод,
От вселенского вечного гама
Оторвусь и паду в небосвод.

Упаду в голубые объятья,
Огневую мечту обниму —
Милый друг, там где нету распятыя
Жду тебя в голубом терему.

Розевеет туман волокнистый,
На реке колотят белье,
Загорелись в листве аметисты,
Славно, Отче, Твое бытие!